

Хочется вспомнить, как готовил Н. К. Дмитриев к научной работе своих аспирантов. Обо всем, естественно, невозможно сказать. Но о главном в методах воспитания будущих ученых сказать необходимо. Главное заключается в том, что Н. К. Дмитриев старался с первых же шагов привить начинающим специалистам навыки научной работы, предоставлял своим ученикам возможность максимального выявления своих способностей. Он никогда не навязывал аспирантам своих научных взглядов и относился с полным уважением к мнению молодого начинающего специалиста.

Н. К. Дмитриев принадлежал к передковому в нашей советской действительности высшему типу научных руководителей, у которых личное неотделимо от науки. Советская тюркология, советское востоковедение были глубоко личным делом Н. К. Дмитриева. Судьбы науки, ее трудности и достижения так же глубоко волновали или радовали его, как огорчает и радует горе или радость близкого и дорогого человека. В последние годы Н. К. Дмитриев отдавал много времени и сил реализации большого плана исследовательских работ, о которых было сказано выше. Первая проблема — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» — была разработана под его руководством в течение 1945—1950 гг., и результаты этой работы сданы в печать. Разработка второй проблемы — «Исследования по сравнительной лексикологии тюркских языков» — заняла следующее пятилетие и была завершена уже после смерти Н. К. Дмитриева. Третья проблема ожидает своей очереди.

Н. К. Дмитриеву не удалось довести до конца всех задуманных им больших начинаний. Но главное он сделал: вместе со своими учителями он заложил незыблемый фундамент советской тюркологии, помог созданию тюркологических очагов на местах, заботливо выставлял научные кадры для многочисленных тюркоязычных народов СССР и оставил нам свои глубоко содержательные труды по всем основным разделам и вопросам, относящимся к строю тюркских языков. Советские тюркологи всегда будут с чувством глубокой благодарности вспоминать имя мудрого и заботливого учителя, чуткого и верного товарища и друга Николая Константиновича Дмитриева.

Э. В. Севортян

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ П. К. УСЛАРА ДЛЯ СОВЕТСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

В 1955 г. исполнилось 80 лет со дня смерти П. К. Услара — одного из выдающихся русских языковедов XIX в. Его замечательные монографии по иберийско-кавказским языкам стоят рядом с наиболее значительными лингвистическими работами того времени.

Одним из важнейших достижений языкознания XIX в. является исследование родственных языков в сравнительно-историческом плане путем применения нового научного метода — сравнительно-исторического. Услар хорошо знал это направление в языкознании, его достижения. Вся лингвистическая деятельность Услара развертывалась в плане реализации глубоко осознанных целей и задач сравнительно-исторического языкознания, первым этапом решения которых в области кавказского языкознания Услар считал глубокий статический анализ структуры отдельных языков, сопровождаемый сравнительно-историческими наблюдениями.

Петр Карлович Услар был пионером в изучении кавказских языков. Все горские кавказские языки в то время были бесписьменными. При этом следует учесть, что они обладают очень сложной и трудной для изучения фонетической системой, а также чрезвычайно своеобразным грамматическим строем. И все же в старых учебных пособиях по языкознанию, по истории науки о языке совершенно незаслуженно, несправедливо обходят имя Услара. Европейская наука знала о деятельности Услара только по отчетам акад. А. А. Шифнера, писавшего их по-немецки. В этом отношении судьба Услара в известной мере напоминает судьбу датского языковеда Р. Раска¹. Благодаря усилиям соотечественников роль Раска в истории языкознания XIX века была восстановлена. К сожалению, этого не сделано до сих пор в отношении деятельности Услара. А ведь именно из трудов Услара впервые стало совершенно ясно, что горские кавказские языки не родственны

¹ «К сожалению, — писал В. Томсен, — Раск вне Дании почти неизвестен и неопенен по заслугам; причина этого заключается несомненно в том, что почти все свои работы он писал на датском языке... а так как часть его основных достижений попала в общеевропейскую науку через посредство вторых лиц... то иностранные ученые... слишком часто забывают его имя» (В. Т о м с е н, История языковедения до конца XIX века, М., 1938, стр. 57).

ни тюркским, ни индоевропейским, ни финно-угорским языкам, что они представляют собой «особое семейство языков».

Значение П. К. Услара как исследователя-языковеда не ограничивается кавказоведением. В его трудах был поднят и освещен ряд проблем общелингвистического характера. На материале горских кавказских языков Услар правильно поставил проблему природы звука человеческой речи как лингвистической единицы.

Труды П. К. Услара представляют большой интерес с точки зрения методологии и методики исследования. Опираясь на наиболее приемлемые методологические основы прогрессивного языкознания своего времени в их применении к изучению иберийско-кавказских языков, он разработал методику исследования этих языков с учетом их специфики, состояния и возможности статического и исторического их изучения¹.

Попытки Услара создать письменность для бесписьменных народов Кавказа, его высказывания о роли родного языка в просвещении народных масс имели большое значение для развития национального самосознания представителей горских народов Кавказа, уяснения ими роли родного языка. У него мы находим много весьма ценных положений, не потерявших своего значения и в наше время, относительно воспитания чувства дружбы между народами, о приобщении свободолюбивых горцев Кавказа к великой русской культуре². Эти положения занимают почетное место в истории русской педагогической мысли и широко используются советскими учеными-педагогами в исследованиях, посвященных истории развития просвещения на Кавказе.

Мы остановимся на характеристике деятельности Услара преимущественно в области языкознания. В его работах много ценного, поучительного и для языковедов нашего времени.

1

В период, непосредственно предшествовавший деятельности П. К. Услара, Кавказ представлял собой своеобразные «джунгли» даже для такого корифея языковедческой науки, каким был один из основателей сравнительно-исторического языкознания Фр. Бопп. Достаточно сказать, что Бопп полагал, будто картвельские языки относятся к индоевропейским. Языковеды, историки, этнографы того времени, не имея возможности разобраться в этом «конгломерате» племен и языков, продолжали разделять заявления древних писателей и средневековых арабских путешественников об исключительно многоязычии Кавказа (например, Страбон писал, что на Кавказе около трехсот языков, а Масуди называл Кавказ «горой языков»).

Записанные крайне плохо, без учета фонетических особенностей кавказских языков, скудные языковые материалы акад. Гюльденшtedта, Клапрота и некоторых других мало могли дать для того, чтобы разобраться в сложной и запутанной лингвистической карте Кавказа. Наука о языке не имела достаточно обоснованной, сколько-нибудь полной характеристики фонетики, морфологии, синтаксиса или лексики какого-нибудь из горских кавказских языков.

В таких условиях было бы безрассудно углубиться в эти «лингвистические джунгли» без заранее разработанного плана и методики языковедческих исследований. Дилетантские попытки изучения отдельных языков и групп языков не могли дать желаемых результатов. Это понимали некоторые члены созданного в 1851 г. Кавказского отдела Русского географического общества. Одним из них был и П. К. Услар. Правда, среди членов Кавказского отдела были и такие, которые придерживались иной точки зрения. Так, Г. Бартоломей считал, что нужно составить в течение двух-трех лет сравнительные словари того типа, какие существовали до возникновения сравнительно-исторического языкознания. П. К. Услар видел в замыслах Г. Бартоломей стремление попрежнему поверхностно, по-дилетантски изучать кавказские языки, выхватывая отдельные слова из лексики кавказских языков. Бартоломей не был знаком с последними достижениями мирового языкознания, не понимал их значения для изучения кавказских языков и не учитывал их в исследовательской практике, что глубоко возмущало П. К. Услара.

П. К. Услар был сторонником методически-последовательного, глубокого и всестороннего изучения кавказских языков. Лишь таким путем можно было бы достичь желаемой цели. Для этого нужно было обладать талантом, глубиной научного мышления, методичностью, упорством в достижении цели и трудолюбием Услара. Вместе с тем

¹ Ср. А. С. Ч и к о б а в а, П. Услар и вопросы научного изучения горских иберийско-кавказских языков (к 80-летию со дня смерти), сб. «Иберийско-кавказское языкознание», т. VII, Тбилиси, 1955.

² Следует, однако, отметить, что в деятельности П. К. Услара как высокопоставленного чиновника, представителя царской власти на Кавказе иногда чувствовалось вредное влияние господствовавших в то время политических и общественных взглядов. И все же в постановке и разработке научных проблем по истории и филологии верх брало более передовое, прогрессивное по сравнению с тем, что тогда писали историки, филологи, этнографы о Кавказе и кавказских народах.

необходимо было так же хорошо знать Кавказ, как его знал Услар. Только исследовательская практика, должным образом учитывающая достижения мировой лингвистики и базирующаяся на вышеуказанных основах, могла продвинуть вперед кавказское языкознание. Услар был в известной мере подготовлен к такой исследовательской практике всей своей предшествующей деятельностью.

Прекрасно владея древними классическими языками, он хорошо знал и новые европейские языки, например немецкий и французский, а родной ему русский язык любил великой любовью.

После окончания инженерного училища Генерального штаба П. К. Услар, занимаясь военно-статистическими описаниями сначала родной ему Тверской (он родился в 1816 г. в деревне Курово бывшего Вышневолоцкого уезда), а затем Вологодской и других губерний, тщательно изучал и учитывал данные истории, этнографии и языкознания. Впоследствии все это сказалось весьма положительно на его лингвистических исследованиях.

К изучению кавказских языков П. К. Услар приступил не в качестве путешественника, случайно приехавшего на Кавказ на короткое время и имевшего лишь поверхностное представление о стране, а после 12—13-летнего пребывания на Кавказе в роли одного из руководящих работников Кавказской армии. Непосредственно участвуя в военных действиях на Кавказе, составляя военно-статистические описания Ереванской губернии и некоторых других районов Кавказа, Услар объездил вдоль и поперек почти весь Кавказ.

Наконец, заслуживает пристального внимания его прекрасная осведомленность в основных проблемах современного ему языкознания. Любой вопрос, который Услар начинал изучать, он изучал упорно, методично, глубоко и основательно. На всем, чем он занимался, он оставлял печать своего яркого, оригинального, самобытного таланта.

2

В 1858 г. на П. К. Услара было возложено составление истории Кавказа. Это обстоятельство послужило непосредственной причиной, заставившей Услара вплотную заняться изучением кавказских языков, которыми он давно интересовался. В то время историки, этнографы, антропологи находили в истории народов Кавказа много таинственного и экзотического. Иоганн Фридрих Блюменбах, например, в своей классификации человеческих рас утверждал, что белую расу, к которой относятся европейцы, следует называть кавказской, потому что наиболее древними и чистыми представителями этой расы являются коренные народы Кавказа. Находились и такие ученые, которые полагали, что коренные народы Кавказа — это остатки европейских народов, сохранившиеся там со времени их движения из Азии в Европу и т. д. Таким образом, даже в научной литературе по вопросу о древнейшей истории Кавказа было много фантастичного. Услар, разумеется, не верил в эти басни и искал ключ к научному объяснению истории народов Кавказа.

По его глубокому убеждению, при отсутствии у подавляющего большинства народов Кавказа исторических письменных памятников наиболее ценным и надежным источником их истории является язык. Об этом П. К. Услар прямо говорит в письме к А. П. Берге в 1859 г.: «С каждым днем я убеждаюсь в том, что была бы возможность написать удовлетворительно историю целого Кавказа, если бы были подготовлены к тому материалы. Цель истории объяснить, почему народ формировался так, а не иначе. Но формирование его определяется вовсе не случайностями, из которых до сих пор лепится история, а элементами постоянными и которые можно изучить... Летописи и предания, на недостаток которых так жалуются, составляют самое сомнительное и скудное пособие для изучения древней истории народа, которую считаю я весьма важною, потому что в ней легче подсмотреть коренные этнические свойства... Но ни языка, ни местности подделать нельзя. Это суть правдивые, неисчерпаемые выводы летописи; таковыми летописями обладают все кавказские народы, как и все народы на земле. Из этих летописей можно создать настоящую народную историю... Пока не будет проложен путь к разумной истории Кавказа, кавказские исторические действия будут преследуемы ироническим вопросом: „Из-за чего беснуетесь вы эдак?“»¹

Подготовительным материалом к истории Кавказа должны были послужить, по мнению Услара, исследования по кавказским языкам. Эту работу нужно было организовать в следующей последовательности: сначала исследовать каждый язык в отдельности, независимо от количества населения, говорящего на нем. «Быть может, — писал Услар, — какому-нибудь неизвестному языку, которым говорят два, три десятка семейств в глубь Дагестана, суждено бросить неожиданный свет на доисторические времена. Для филолога нет языка незначительного (разрядка наша. — Ю. Д.); подобным образом, геологу окаменелая раковина, отпечаток водоросля

¹ П. К. Услар, Письма, в кн. «Этнография Кавказа. Языкознание», II, Тифлис, 1888, стр. 6—7 первой пагинации.

повествует о тайнах земледания»¹. Для Услара характерно именно такое глубокое понимание значения лингвистических исследований.

3

Всесторонние исследования отдельных языков должны были заложить основу для последующего сравнительно-исторического изучения кавказских языков. Такую задачу ставил Услар перед собой, перед кавказским языкознанием. Это ясно видно из его характеристики сравнительно-исторического языкознания. По словам Услара, «исследование каждого особого языка должно предстаться в виде части: целого т. е. исследования целого семейства кавказских языков, но для исследования целого необходимо исследовать предварительно все части: каждый язык открывает чрезвычайно много нового для целого»².

Такая целеустремленность П. К. Услара была обусловлена прекрасным знанием достижений сравнительно-исторического языкознания того времени. «Неистощимое средство для изучения древнейшего времени представляет язык, — писал он в начале 60-х годов прошлого столетия. — Нет никаких письменных сказаний о том, что главнейшие европейские народы и индусы одного происхождения, а между тем сравнительное изучение языков доказывает это неопровержимым образом»³. Об отношении Услара к сравнительно-историческому языкознанию свидетельствует и следующее его высказывание в письме к А. П. Берже в 1859 г.: «...Если тем, что я напишу, мне удастся хотя несколько способствовать указанию настоящего пути для будущих исторических исследований на Кавказе, вроде исследований Гримма, Боппа, Лассена, Потта и других, то уже заслуга моя будет велика»⁴.

Таким образом, уже в самом начале лингвистической деятельности Услара, вернее в период его подготовки к этой деятельности, определилась методология, теоретические основы его языковедческих исследований. Услар оценивал свои конкретные исследования с точки зрения сравнительно-исторического языкознания. Именно поэтому после завершения работы над монографиями о трех кавказских языках, он в письме к А. П. Берже от 10 февраля 1864 г. смог решительно заявить: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света... должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков кавказских (разрядка наша. — Ю. Д.), так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты. Армянский язык есть язык индоевропейский; грузинский, повидимому, есть язык кавказский и, по всей вероятности, самый замечательный в целом семействе. Без очерка грамматического строения грузинского языка замышляемый мною *Caucase polyglotte* будет незамкнут»⁵. Из сказанного видно, что Усларом широко был задуман план исследования иберийско-кавказских языков.

Высоко оценивая исследование грамматического строя языка, П. К. Услар в то же время хорошо понимал, что для воссоздания картины древнейшего состояния кавказских языков и изучения законов их развития недостаточно одной сравнительной грамматики. Необходима и сравнительная лексикология, поскольку основу языка образуют грамматический строй и основной словарный фонд. «Сравнительный словарь всех кавказских языков и наречий, каковы бы ни были недостатки его, как первого опыта, как бы мало ни имел он притязаний на полноту, — составит знаменательное явление в области всемирного языкознания»⁶, — утверждал он.

Однако Услар никогда не ставил знака равенства между общим языкознанием и сравнительно-историческим изучением языков. У него не было пренебрежительного отношения к всестороннему статическому анализу языка, ибо он хорошо понимал, что основой основ общего и сравнительно-исторического языкознания является статический анализ языка. Для него было теоретическим всякое лингвистическое исследование, независимо от того, великому или малому языку, диалекту или говору оно посвящалось, если в нем выявлялись еще никем не изученные частные и общие закономерности. Для Услара теоретическими были и такие лингвистические исследования, в результате которых устанавливались элементы описания и истории давнего языка или группы языков. В этом смысле теоретическими были все монографии Услара по кавказским языкам, так как в них впервые в истории монографически давался статический анализ этих языков.

Такова была методология, таковы были теоретические принципы, положенные в основу задуманного Усларом *Caucase polyglotte*.

¹ П. К. Услар, Письма..., стр. 15.

² Там же, стр. 45—46.

³ П. К. Услар, Древнейшие сказания о Кавказе, Тифлис, 1881, стр. XXI.

⁴ Там же, стр. 7.

⁵ П. К. Услар, Письма..., стр. 35.

⁶ Там же, стр. 15.

Для осуществления указанной широкой программы исследования кавказских языков надо было разработать методику изучения этих языков с учетом их специфики, отсутствия на них памятников письменности. Эта методика должна была соответствовать теоретическим принципам, положенным в основу задуманного *Caucase polyglotte*. Такая методика, сохраняющая свое значение во многом и сейчас, была впервые разработана Усларом. Сущность этой методики состояла в следующем.

1. П. К. Услар не удовлетворяли делавшиеся до него попытки собрания лишь лексического материала, как правило, скудного и недоброкачественного. По его мнению, нужно было изучить кавказские языки монографически, создавая целостное представление о них, по возможности глубоко выявляя специфику каждого языка и всех его основных отделов: фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики.

2. П. К. Услар придавал большое значение точности фонетических записей. Хотя его слух хорошо улавливал тончайшие оттенки так называемых кавказских звуков, он не полагался только на свой слух и, отыскав носителя исследуемого языка, знакомленного с русским языком и грамотою, и составив при помощи его азбуку данного языка, заставлял его записывать все слова и тексты...¹ Этим и объясняется та удивительная точность записи языковых фактов, которая характерна для П. К. Услара. Прав был Д. П. Загурский, говоря, что «...труды Услара имеют, в отношении верности транскрипции звуков, преимущество перед всеми лингвистическими трудами европейских ученых, изучавших те... языки, которые прежде были не исследованы, или мало исследованы»².

3. П. К. Услар выдвигал в качестве одного из основных требований, предъявляемых к лингвистическим исследованиям, тщательность подбора текстового материала для изучения языка. «Сказки, песни, поговорки, живущие в устах народных, составляют единственный, вполне надежный, ничем посторонним не засоренный источник к изучению языка. Собрание всего изустно-живущего в народе должно составить первый письменный памятник, после создания азбуки»³. Поэтому, по мнению Услара, «...основанием исследований должна служить фраза не переводная, а коренная...»⁴.

4. П. К. Услар особенно отмечал важность обстоятельного изучения грамматического строя языка для выявления его специфики, для восстановления картины его исторического развития.

5. П. К. Услар призывал к строго научному исследованию специфики каждого языка, без всякой предвзятой идеи. Выявление главных особенностей изучаемого языка, полный учет всей суммы данных, формирующих исследуемый язык, — такова, по его мнению, главная задача исследователя неизученного или слабо изученного языка.

6. При исследовании еще не изученных кавказских языков Услар брал за основу определенную территориальную лингвистическую единицу, диалект или говор, не допуская смешения данных разных диалектов или говоров исследуемого языка. Этим он руководствовался, приступая к исследованию, например, абхазского, аварского и других кавказских языков.

7. Для восстановления более или менее точной картины исторических взаимоотношений кавказских языков, по мнению Услара, необходимо было глубокое монографическое изучение отдельных кавказских языков, составляющих все группы иберийско-кавказских языков. Только на основании такого изучения можно было бы создать более или менее основательные сравнительно-исторические исследования по кавказским языкам.

Указанные выше методологические положения и методические приемы уточнялись и углублялись им в ходе изучения горских кавказских языков.

Первым языком, ставшим объектом монографического исследования П. К. Услара, был абхазский язык. Он является едва ли не самым трудным среди указанных языков из-за сложности его фонетической системы и грамматического строя. Начав изучение абхазского языка в 1862 г., Услар за очень короткое время успешно преодолел все трудности и представил для опубликования монографическое исследование общим объемом свыше 25 печатных листов. В эту монографию во втором издании были включены также статьи «О распространении грамотности между горцами», «Предложение об

¹ Л. Загурский, Записка об очерке табасаранского языка, посмертном труде Услара, «Известия Кавк. отдела Русск. Геогр. о-ва», т. VII, № 2, Тифлис, 1882, стр. 332.

² Там же, стр. 332—333.

³ П. К. Услар, Древнейшие сказания о Кавказе, стр. XLIV.

⁴ П. К. Услар, Письма., стр. 17.

устройстве горских школ», «О составлении азбук кавказских языков», «Черновые заметки о черкесском языке», «О языке убыхов», «Грамматический очерк сванетского языка». В том же 1862 г. Услар приступил к изучению чеченского языка. Монография по этому языку была издана в Тифлисе в 1888 г. общим объемом около 30 печатных листов. Эта монография во втором издании была дополнена широко известной статьей «Кое-что о словесных произведениях горцев», а также письмами к А. А. Шифнеру. Обе монографии Услара были удостоены премии Российской Академии наук.

В 1863 г. Услар начинает изучать аварский язык, являющийся наиболее крупным среди аваро-андо-цезской подгруппы дагестанских языков. Монография «Аварский язык» была издана в 1889 г. в Тифлисе общим объемом около 50 печатных листов. В 1864 г. он принимается за исследование лакского языка. Монография «Лакский язык» была издана в 1890 г. общим объемом около 44 печатных листов. В 1866—1867 гг. Услар занимается изучением даргинского языка. Монография по этому языку под названием «Хюркилинский язык» вышла в 1892 г. общим объемом около 45 печатных листов. В 1871 г. он завершает работу над монографией лезгинского языка, которая была опубликована в 1896 г. под названием «Кюринский язык» общим объемом около 60 печатных листов. Эта монография является наиболее крупной по объему из всех опубликованных работ Услара по горским кавказским языкам. Наконец, Усларом была в основном закончена монография «Табасаранский язык». Правда, он не успел окончательно ее обработать и подготовить к печати. Общий объем этой работы составляет свыше 45 печатных листов¹. Таким образом, Услар успел монографически исследовать семь горских кавказских языков. Все эти языки в советское время стали письменными.

Указанные монографии Услара составлены по единому плану. Сначала дается краткая характеристика звукового состава изучаемого языка, далее следует описание грамматического строя, которому посвящается основная часть каждой монографии, и, наконец, даются тексты, национально-русский словарь и обратный указатель к нему. Ниже остановимся на характеристике основных результатов, достигнутых П. К. Усларом в исследовании звукового состава, грамматического строя и словарного состава горских кавказских языков.

6

До П. К. Услара не было ни одной работы, в которой была бы исследована фонетическая система какого-либо из горских кавказских языков, за исключением нескольких «Опытов» А. А. Шифнера. Поэтому одним из наиболее трудных и важных вопросов в исследовании того или иного горского кавказского языка являлся вопрос о фонетической системе данного языка и выявлении его фонемного состава. Услар прекрасно сознавал огромные трудности, связанные с определением звукового состава кавказских языков. «Легче, — писал он, — расслушать, как трава растет, по выражению скандинавских скальдов, чем расслушать все видоизменения звуков горных кавказских языков»². С указанной задачей Услар блестяще справился. Он разработал на русской графической основе алфавиты всех исследованных им горских кавказских языков с полным учетом лингвистических требований, а также практических интересов кавказского языкознания. Алфавиты, составленные Усларом, в основном правильно отражают звуковую систему этих языков и стоят на уровне требований современной науки о языке, если не считать некоторых незначительных погрешностей. Так, в алфавитах Услара не получала особого обозначения гортанная смычная фонема, обозначаемая в современных алфавитах младонисьменных языков через апостроф ('), хотя она и была правильно отмечена им.

В своих трудах П. К. Услар дает краткую характеристику каждой фонеме, иллюстрирует примерами ряд случаев употребления того или иного особого звука. Уже в то время Усларом было в основном выявлено понятие, связываемое в настоящее время с термином «фонома»; эта формулировка была дана Усларом на основе обобщения совершенно нового фонетического материала по кавказским языкам. Так, в кавказских языках встречаются по меньшей мере восемь фонем с основной артикуляцией заднеязычного смычного *к*. Это следующие фонемы: собственно *к* (как правильно, притыхательная фонема), *кв* — лабиализованная фонема *к*, *к'* — палатализованная фонема *к*, *к/* — смычно-гортанная фонема *к*, *кк* — гоминированная фонема *к*, *к/* — смычно-гортанная палатализованная фонема *к*, *к/в* — смычно-гортанная лабиализованная фонема *к*, *ккв* — гоминированная лабиализованная фонема *к*. Аналогичные примеры можно было бы привести и в отношении других фонем.

Указанные звуки, как показал Услар, не являются результатом фонетических, позиционных изменений в действующей звуковой системе языка. Какой же принцип

¹ В настоящее время намечено издание этого труда, оставшегося около 780 лет неопубликованным. Подготовка рукописи к изданию проведена А. А. Магомедовым.

² П. К. Услар, Письма., стр. 10.

какую же закономерность следует положить в основу характеристики этих звуков в качестве постоянных, самостоятельных звуковых единиц, помогающих различать слова и морфемы? По мнению Услара, различие звуков «обуславливается различным относительным расположением органов произношения, как-то: губ, языка, зубов, десен, нёба и пр. Так как это расположение может изменяться до бесконечности, то очевидно, что различных звуков во всех языках земного шара, взятых вместе, существует или может существовать бесконечное число. Это суть *звукокачества* (Lautqualitäten).

Число различных звукокачеств в одном и том же языке никогда не бывает значительно... Каждое особое звукокачество необходимо должно быть выражено особым знаком, *буквой*. Но каждое *звукокачество* может быть произведено с различной степенью напряжения; таковых степеней напряжений *звукоколичеств* (Lautquantitäten) можно предположить для каждого *звукокачества* бесчисленное множество. Звукоколичество изменяется под влиянием соседних букв, места ударения и пр. Означение в азбуке таковых изменений может быть допущено только тогда, когда самое свойство языка того требует¹.

Далее Услар указывает, что как звукокачество, так и звукоколичество «служит для выражения различия множества слов во всем остальном совершенно между собой сходных»². Тем не менее, говорит он, звуки, различаемые в одном языке, могут не различаться как самостоятельные звуки в другом языке, так как каждый язык имеет и в этом отношении свое особое свойство, т. е. свою специфическую систему звуков. Вот почему П. К. Услар призывает при исследовании звукового состава языка положиться исключительно на слух носителей языка: «если будут они делать показания наобум, то непременно впадут в противоречия, которые легко будет вам вывести на чистую воду»³.

В работах П. К. Услара не разобраны фонетические процессы, действующие в исследуемом языке, фонетические закономерности не только в близко родственных языках, но и в диалектах изучаемого языка. Это в большой степени снижает значение фонетической части монографий Услара для сравнительно-исторических исследований. Фонетические процессы, звуковые соответствия представляют живой процесс дифференциации близко родственных языков, исторического развития каждого из них. Поэтому даже при наличии достаточных данных по лексике и грамматическому строю языка невозможно создать вполне удовлетворительную сравнительную грамматику близко родственных языков, если в них не выявлены фонетические процессы и звуковые соответствия. В этом отношении после Услара достигнуты существенные результаты в исследовании фонетических закономерностей в картвельских, абхазо-адыгских, вейнахских и в ряде дагестанских языков.

П. К. Усларом в изучении звукового состава кавказских языков было сделано следующее:

1. Впервые в истории кавказского языкознания был в основном правильно выявлен фонемный состав абхазского, чеченского, аварского, лакского, даргинского, лезгинского и табасаранского языков. Наука о языке впервые получила почти полное представление о звуковом составе открытой П. К. Усларом новой семьи языков. Это было ценным вкладом русского ученого в мировое языкознание.

2. Была разработана транскрипция звуков или алфавит на русской графической основе. Каждый самостоятельный звук получил особое обозначение.

3. П. К. Услар дал предвзятую артикуляционную и акустическую характеристику всех звуков, выявленных им в кавказских языках, сопоставляя их там, где это возможно, со звуками в русском, арабском, армянском, западноевропейских и других языках.

4. П. К. Услар дал характеристику почти всех основных особенностей так называемых специфически кавказских звуков. Эта характеристика впоследствии лишь дополнялась и уточнялась.

7

Во всех монографиях П. К. Услара главное внимание уделяется исследованию грамматического строя изучаемого языка. Достаточно сказать, что наиболее значительная часть каждой его монографии посвящается именно анализу грамматического строя исследуемого языка. По словам Услара, для раскрытия особенностей исследуемого языка «мы должны преимущественно обратить внимание на то, что принадлежит ему собственно, ... что наиболее живуче в нем, что наименее уступает чуджому влиянию»⁴.

Он указывает, что «в каждом языке есть два элемента: во-первых, корни слов, звуки, мертвая материя, — во-вторых, духовная сила, которая оживляет эту материя, прони-

¹ Там же, стр. 11.

² Там же, стр. 12.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 15—16.

цает ее насквозь, делает ее способною к выражению всех видоизменений человеческой мысли¹. Это грамматика. «Итак, — говорит Услар, — главнейшая особенность языка заключается не в мертвой материи его, а в грамматике»². Эти строки, свидетельствующие о глубоком понимании их автором роли грамматики в структуре языка, написаны 19 января 1863 г.

По мнению Услара, «грамматические исследования, надлежащим образом направленные, открывают возможность собирания материалов для настоящего *сравнительного словаря*»³. Характеристику грамматического строя исследуемого языка Услар дает в традиционном плане, по частям речи: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, глагол, наречие, служебные слова и междометие.

В монографии Услара не дается специального раздела о синтаксической системе исследуемого языка. Основные синтаксические особенности он рассматривает на фоне анализа морфологической системы. Тем не менее в его трудах не остались без внимания наиболее специфические черты синтаксического строя горских кавказских языков. Сюда относятся прежде всего эргативная конструкция предложения, характеристика связей, отношений между членами предложения переходного, переходного и дативного построения и др. Характерный для работ П. К. Услара более или менее обстоятельный анализ грамматического строя исследуемого языка в то время мог бы явиться большим достижением не только в области исследования горских кавказских, финно-угорских, тюркских и других языков, но и в изучении ряда индоевропейских языков. Именно так и смотрели на монографии Услара наиболее выдающиеся филологи России того времени. Поэтому Услару и была присуждена премия Российской Академии наук за его первые две монографии. Последующие его монографии, посвященные аварскому, лакскому, даргинскому, лезгинскому и табасаранскому языкам, были еще более содержательными и обстоятельными.

Основные достижения Услара в исследовании грамматического строя горских кавказских языков вкратце могут быть охарактеризованы так:

1. До П. К. Услара не было ни одного исследования, в котором была бы дана достаточно полная характеристика морфологической системы какого-нибудь горского кавказского языка. Услар же дал более или менее исчерпывающий анализ основных явлений в области морфологии семи горских кавказских языков.

2. П. К. Услар особо отметил почти все главные, отличительные черты морфологической системы указанных языков (категория грамматического класса, эргативный падеж и др.) и дал свое оригинальное, хотя и не всегда правильное, истолкование этих явлений.

3. Богатый фактический материал, собранный Усларом и включенный в его монографии, на котором он основывает свои выводы, касающиеся морфологических категорий исследуемых языков, делает особенно ценным его исследование как в статическом, так и в историческом плане. Многие работы зарубежных и подчас даже наших отечественных языковедов-кавказоведов нередко опираются на собранный им фактический материал.

В то же время в монографиях Услара не разработаны или разработаны слабо вопросы о разновидностях спряжения и склонения, обусловленных фонетическими процессами (при наличии одностипного спряжения и склонения), о словообразовании и некоторые другие.

В освещении грамматического строя горских кавказских языков Услар допустил ряд ошибок и неточностей. Так, он ошибочно утверждал, что в этих языках нет «действительных глаголов, т. е. действительного залога», «а одни лишь глаголы страдательные и средние». Он неправильно истолковал природу эргативной конструкции, несмотря на то, то с грамматической точки зрения совершенно правильно объяснял морфологический состав и синтаксические взаимоотношения членов эргативного предложения. У Услара не было никакой особой теории об эргативной конструкции предложения. Лишь гораздо позже то, что было не понято Усларом из-за недостатка исследовательского материала, из-за того, что он с п е д а л ь н о не занимался проблемой эргативной конструкции, было возведено в особую у с л а р о в с к у ю теорию о пассивном строе глагола в горских кавказских языках, хотя в его трудах мы нигде не находим даже выражения «теория пассивного строя глагола». Всего лишь в одном абзаце Услар говорит о страдательных и средних глаголах в горских кавказских языках и об отсутствии в них действительных глаголов.

Есть и другие вопросы, которые не совсем точно объяснены в трудах Услара (например, категория грамматического класса). Однако фактический материал, приведенный в соответствующих разделах работ Услара, является вполне доброкачественным.

¹ П. К. Услар, Письма..., стр. 15.

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 17.

Труды П. К. Услара имеют выдающееся значение для языкознания, истории, этнографии Кавказа и для освещения лексико горских кавказских языков. Столько вполне доброкачественного материала, сколько его дал Услар, мы не находим ни у кого из дореволюционных исследователей рассматриваемых языков.

В каждой монографии Услара имеется национально-русский словарь и обратный указатель к нему. Словарные статьи богато снабжены фразеологией. Употребление многих слов иллюстрируется несколькими фразами. Услар с возрастающим интересом работал над изучением словарного состава кавказских языков. Об этом говорят следующие данные. Если в монографии «Абхазский язык» абхазско-русский словарь, содержащий всего несколько сот слов, занимает лишь 65 страниц, то в труде «Аварский язык» аварско-русский словарь содержит около 4,5—5 тыс. слов и занимает 200 страниц. Еще больше лексического материала мы находим в монографии «Кюринский язык». Весьма ценны грамматические пометы Услара, встречающиеся в его национально-русских словарях. Так, нередко указываются основные падежи, косвенные основы многих имен, временные формы глагола и т. д.

Богатый и содержательный для своего времени лексический материал Услара не может удовлетворить нас теперь ни по объему, ни в отношении анализа лексических единиц. Возросшие нужды иберийско-кавказского языкознания требуют того, чтобы были созданы гораздо более полные национально-русские словари, охватывающие словарный состав этих языков¹. Для создания такого рода словарей необходимо глубокое изучение каждого из иберийско-кавказских языков, обстоятельный анализ их словарного состава. Разумеется, словарный состав многих из них в значительной степени уступает словарному составу таких великих национальных языков, как русский. Но из этого вовсе не следует, что словарный состав бесписьменных языков можно свести лишь к нескольким сотням слов. Еще Услар отмечал, что «мнение о крайней бедности этих языков совершенно ошибочно и проповедуется людьми, которые не имеют о них никакого понятия»².

После смерти П. К. Услара часто недооценивалось его значение как языковеда. Основные достоинства его выдающихся трудов несправедливо приписывали акад. А. А. Шифнеру. Правда «Опыты» Шифнера по изучению некоторых кавказских языков послужили образцом, своего рода исходным пунктом для будущих знаменитых монографий Услара. Но лингвистические монографии последнего по своим научным достоинствам стоят значительно выше «Опытов» Шифнера. Шифнер горячо поддерживал деятельность Услара, популяризировал его лингвистические исследования. Заслуги Услара хорошо знали и ценили наиболее выдающиеся его современники, в том числе А. А. Шифнер, который справедливо называл Услара «истинным украшением русской лингвистической литературы». П. К. Услар был избран членом-корр. Российской Академии Наук.

Только бездарные дилетанты, интриганы, орудовавшие тогда в академических учреждениях, в Кавказском отделе Русского географического общества, преследовали П. К. Услара за то, что он был одаренным, талантливым, упорным, трудолюбивым, скромным ученым. Они завидовали его славе. В числе их был высокопоставленный царский чиновник небезызвестный Г. Бартоломей. Даже после кончины Услара они сделали все, чтобы бросить тень на память о нем. В этом отношении им удалось немало. В европейской печати появились статейки, дезориентировавшие читателей, приписывавшие заслуги Услара другим³. Роль Услара в истории языкознания не была оценена должным образом.

Имя П. К. Услара, крупнейшего, разносторонне образованного русского ученого, выдающегося языковеда XIX в., должно занять подобающее ему место в истории науки о языке вообще, в истории отечественного языкознания в особенности. Следуя лучшим традициям Услара, углубляя и развивая их дальше, советские кавказоведы-языковеды должны добиться новых достижений в исследовании иберийско-кавказских языков.

Ю. Д. Дешериев

¹ А это невозможно без должного учета данных родственных языков: «Отыскание корней не всегда легко,— писал П. К. Услар,— большею частью невозможно открыть их иначе, как сравнительными исследованиями нескольких родственных языков» (там же, стр. 18).

² П. К. Услар, О распространении грамотности между горами, в кн. «Этнография Кавказа. Языкознание», [т. 1]—Абхазский язык, Тифлисе, 1887, стр. 28 второй погинации.

³ Так, в немецком журнале «Globus» (Bd XXVIII, № 7, 1875) была опубликована статья «Peter von Uslar und die kaukasischen Forschungen», в которой в искаженном свете была представлена роль П. К. Услара в создании кавказского языкознания.